

Коста Хетагуров

**Фатима. Кавказская
повесть**

Коста Леванович Хетагуров
Фатима. Кавказская повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21233636

Аннотация

Поэма (или как назвал ее сам автор – Кавказская повесть) написана в 1889—1895 на русском языке.

Содержание

Посвящение	4
I	5
II	14
III	22
IV	30
V	37
VI	41
VII	52

Коста Хетагуров

Фатима

кавказская повесть

Посвящение

Ах, с каким безграничным восторгом, дитя,
На руках из мишурного света
Я унес бы далеко, далеко тебя
И любил бы любовью поэта...

Детский слух услаждал бы я лирой своей,
И под звуки ее безмятежно
Засыпала б ты сладко на груди моей,
А я пел бы, баюкал бы нежно...

Много, много сложил бы я песен тогда
На чарующем лоне природы
О восторгах любви, наслажденьях труда
И о светлом блаженстве свободы...

I

Полна кунацкая Наиба
Привета ласковых затей,
Немало из Чечни, Гуниба
И славной Кабарды гостей,
Встречая здесь прием радушный,
Досуг тревоги боевой
Беседе отдает живой.
Адату родины послушны,
Храня обычай старины,
Кавказа верные сыны,—
Будь кровники – без злобы тайной,
При встрече званой иль случайной,
По возрасту, по праву лет,
Здесь делят ужин и обед,
И, как друзья, полны одною
Лишь мыслью о приволье гор,
Ведут за чашей круговую
Согласный, долгий разговор...
Здесь кунаки равны, как братья;
Их жизнь священна, как Коран;
За их обиду мусульман
Клеймит народное проклятье.
Беглец, измученный дорогой,

Подчас беспомощный абрек,
Больной, слепой, старик убогий —
Привет им, отдых и ночлег.
Сюда на праздник годовой
Идут красавицы аула
И водят танец круговой.
Здесь много юношей взгрустнуло,
Читая строгий приговор
Во взглядах девы... Здесь немало
Горянок шепоту внимало,
Стыдливо потупляя взор...
Наиб уж стар. Наиб уж сед...
Не годы, не боязнь могилы
Сломили мужество и силы
Питомца доблестных побед.
Давно ль, как юноша беспечный,
Он, ветер рассекая встречный,
Отважно на коне скакал!
Давно ль в морщинах диких скал,
Добычу смело нагоняя,
С винтовкой за плечом весь день
Бродил он, устали не зная...
Давно ль за кровником, как тень,
Гоняясь в темноте ночной,
Он к утру приносил домой
Его ружье, кинжал, папаху...

Хвала всесильному аллаху!
Не будем воспевать любовь,
Не станем говорить о чести
Там, где еще законы мести
Сулят охотно кровь за кровь...
Но горе старому джигиту,
Когда он на закате дней
Отпустит выместить обиду
Последнего из сыновей,—
Разбита вся его опора,
Погибли радость и покой!..
Под песнь унылую укора,
Впотьмах, неведомой тропой,
Как вор, бредет он торопливо
Тогда к могиле... Как пугливо
Глядит он на своих друзей,
Как ненавидит он людей!..
Наиб... Горька его утрата,
Печаль безмерна – видит бог,—
Любил он сына, Джамбулата,
Но... горе пересилил долг,—
Наиб обязан для него
Предать минувшее забвенью,—
Судьба вручила попеченью
Печальной старости его
Красавицу – приемш-дочь...

Его утеха вся – Фатима;
Он занят ею день и ночь,
И им, как клад, она хранима.
Дитя, ты видишь, сединою
Сребрится голова моя,—
Быть может, скоро надо мною
Холмом насыплется земля...
В тот день, как мать твоя скончалась
И бесприютной сиротой
В ауле нашем ты осталась,
Я взял тебя... Обет святой
Тогда я дал пред стариками
Беречь тебя, как дочь свою,
И с лучшим князем между нами
Скрепить законом жизнь твою.
Как роза южная весною
Цветет украдкою в горах
И украшает их собою,
Так точно на моих руках
И ты росла и расцветала...
Молва о прелести твоей
Не раз ко мне уже сзывала
Лихих князей и узденей...
Ужель из них твое вниманье
Ничей не подкупает взгляд?
Они руки твоей хотят

И ждут меня... Я жду признанья...
Фатима, быстротечны лета,—
Тебе быть матерью пора...
Законы святы Магомета,—
Их неминуема кара...
Попрать адаты и преданья
Отцов – преступно... Дочь, поверь,
Ни в ком не встретим состраданья,
Не дав ответа и теперь...
Фатима, не терзай так больно
И так истерзанную грудь!
Она измучилась довольно
За Джамбулата... Не забудь,—
Вы только были мне отрадой
По смерти матери его...
Я вас растил... И вот награда:
Пять лет, как вести от него
Я не имею, а в тебе —
Ни капли жалости ко мне!..
Фатима... Как? Ужели слезы?..
Ты плачешь? Дочь моя, о чем?
Мои слова – не брань угрозы,
А скорбь о возрасте твоём...
Отец, зачем терять напрасно
Слова и время? Знаю я,
Бороться нам не безопасно...

Что делать!.. Видишь — я твоя...
Отдай меня, кому желаешь,—
Тебе простит и бог и свет,—
Мне все равно... Здесь речи нет
О счастье...

Дочь, ты убиваешь
Бедой согбенного отца!
Клянусь вот этой сединою,
Клянусь величием творца,
Что я живу теперь одною
Мечтой о счастья твоём...
Права отцов, адатов силу
И мысль о выборе моем
Я унесу с собой в могилу,
Едва сердечное признание,
В награду за мои страдания,
За все насмешки надо мной
Судьбы злорадной, я услышу
Из уст Фатимы дорогой...
Дитя, открой страдальцу душу,
Молю тебя...
Изволь, отец.
Когда измученный гонец
С Чечни к нам в полночь прискакал
И пред старшинами аула
Здесь со слезами рассказал

О притеснениях гяура...
Когда вы все – и стар и млад —
С оружием за Сулак спешили,
Ты помнишь, как тебя просили
И я, и сын твой Джамбулат
Пустить его... Ты не забыл
Его проклятья и молитвы...
Твой сын, я знаю, молод был
Для ужасов кровавой битвы,
Но он исторг твое согласие...
Безумная! Как заодно
С ним детской мыслью увлеклась я!..
Но так нам, видно, суждено!..
Ты помнишь – ни один в походе
Не красовался на коне,
Как он... Отец, то не войне
Служить хотел он – нет! – свободе...
Свободе!... Он любил тогда...
Прости, отец, мое признание!..
Пять лет в бесплодном ожиданье
Прошли, промчались без следа,
Как ряд ночей, без сновиденья,
Без искры света... Но, поверь,
Порой надежда и теперь
Сменяет горькое сомненье,—
Я жду его... Но что мечты

И клятвы девушки презренной! —
Они не стоят, чтобы ты
Закон отцов попрал священный...
Должно быть, так угодно року,
Что друг для друга мы равно
Погибли с ним давно, давно...
Табу великому пророку!..
Изволь, отец, я покоряюсь
Своей нерадостной судьбе,—
Преступным бременем тебе
Я оставаться не решаюсь,—
Сдаюсь пред силою адата...
Нарушу юности обет...
Забуду имя Джамбулата...
И выхожу, — позволишь, нет, —
За Ибрагима...
Дочь?!
Сам бог
Его в удел мне посылает...
Но он ничтожен, он убог,—
Опомнись, дочь!..
Отец, пылает
Любовью сердце в нем давно...
Но он не князь...
Мне все равно...
Там, где нашла в себе я силу

Зарыть мечты мои в могилу,
Поверь, отец мой дорогой,—
В труде, облитом потом, кровью,
Согретом правдой и любовью,
Найду отраду и покой...
Отец, ты выслушал признание
Безумной дочери твоей,—
Суди ж ее без сострадания,
По слову совести своей,
Суди преступницу скорей!..—
Старик прикрыл глаза рукою...
Он только мог ответить ей
Упавшей на ковер слезою...

II

Свежо... Полночную прохладой
Повеял ветерок из гор...
Стоят возы живой оградой...
Пылает небольшой костер...
Быки пасутся над рекою...
Вот кто-то песню затянул,—
Звучат болезненной тоскою
В ущельях песни... Вот зевнул
Какой-то дремлющий... Привольно
На мягкой зелени лежать
В такую ночь, – начнешь невольно
Бессвязно, без конца считать
В пространстве тлеющие очи;
Меж тем блуждают без конца,
Дивясь премудрости творца,
И думы в полумраке ночи...
Как сладко за свою свободу,
Как мысль беспомощную жаль!
Обнять весь мир, постичь природу,
В надзвездную проникнуть даль —
Увы, ей не дано судьбою!..
Мелькают тени за арбою...
Один хлопочет у костра,—

Готовит ужин... Но пора!
Черкесы чинно у огня
Садятся стройным полукругом...
Обычай родины храня,
Два отрока, подобно слугам,
По старшинству всех наделяя,
Обносят чашами их ряд...
Картину ярко озаряя,
Дрова, как факелы, горят...
Похлебка и чурек ячменный!..
Кому их труд тяжелый мил,
Как ласки дружбы неизменной,
Тот ужин их бы полюбил...
А мы, читатель мой бесценный,
Мы любим негу и покой,
И в нашей праздности вседневной
Нам нужен ужин не такой!
Но тише! Юному черкесу
Вблизи слышались шаги...
Благослови, аллах, трапезу,
Пророк вам всюду помощи! —
С приветом путник неизвестный
Явился к ним из-за арбы.
Все приподнялись...
Будь небесным
Послом и гостем, коль рабы

Твои достойны этой чести...
За скромный ужин не брани...
Поведай радостные вести,—
Откуда, для кого они?
Не мне, несчастному лезгину
Быть светлым вестником небес;
Рукой бессильной я не сдвину
Загробной вечности завес...
Оставшись круглым сиротою,
Я вырос на чужих руках,
Считая матерью родною
Старуху о пяти зубах.
Она и ветхая лачуга,
Чурек на ужин и в обед,
Солома, сказки в час досуга —
Вот все, — и детства нет как нет!..
Я подрастал... Старуха знала,
Чему питомца научить,—
Она меня безбожно гнала
Князей за пиршеством смешить...
Я пел, плясал без утомленья
И мог остатками стола
Кормить старуху... Как мгновенье,
И юность светлая прошла...
Давно, давно тот возраст минул,
Давно старухи этой нет;

С тех пор, как я аул покинул,
Промчалось много, много лет...
С тех пор я странствую немало
С сумой и посохом своим,—
Пою для всех и – где попало...
Везде привет, везде любим...
Когда-то жизнь во мне кипела,
Вперед без страха я глядел,—
Искал борьбы, искал я дела...
Был близок к ним... но заболел...
Очнулся я в стране далекой,
Среди неведомых степей,
Без сил к борьбе с судьбой жестокой,
С насмешкой чуждых мне людей...
Жизнь стала для меня укором,
А жить хотелось, видит бог!..
Меж тем моим усталым взорам
Повсюду чудился острог...
Как я хотел предать забвенью
Порывы мысли роковой!..
Как челн над темной глубиной,
Я был покорен дуновенью
Едва приметного зефира...
Без сожаленья, без кумира,
Без слез, без ласки и привета,
Без искры радости и света,

Мелькали смутной чередой
За днями дни... Обрыв крутой
Меня заставил оглянуться...
Вперед... туда? Назад... вернуться?..
Нет, лучше где-нибудь в сугробе
Сном непробудным почивать,
Чем в смрадном ледящем гробе
Оков бряцанию внимать...
Назад, назад!.. Когда б вы знали,
Мои случайные друзья,
Как взоры дня меня пугали,
Как солнца сторонился я!
Где беспредельна степь, как море,
Где чуть колышется река,
Там безграничны скорбь и горе,
Часы ленивы, как века...
Беспомощно слабеют ноги,
Бессильно замирает грудь...
Взглянешь назад – нет полдороги,
Вперед – как вечность, долог путь!..
И вот с мучительной тоскою
Из груди рвется тихий стон
С невыразимую мольбою
О смерти... Но все тот же сон:
Я вижу снежные вершины,
Ущелья, пышные долины

Далекой родины моей...
Я слышу песнь моих друзей...
Как барс, ужаленный стрелой,
Очнусь... бросаюсь вновь вперед...
Лечу неведомой тропой,
Пока вновь сердце не замрет...
Друзья, простите тягость речи
Скитальцу бедному, – порой
Избыток чувств и сладость встречи
Жемчужной искрятся слезой...
Простите, что родное блюдо
Слезами подслащаю я...
Клянусь вам, велико то чудо,
Что с вами греюсь у огня...—
Все молча страннику внимали,—
Мальчишка не доел чурек,—
Но, слушая, не понимали,
Откуда, что за человек?..
Я вижу, – начал он с улыбкой,—
Вас удивляет мой убор...
Что делать? Он невольной шуткой
Смешит суровость наших гор;
Я не ропщу, – ведь перед вами
Певец-скиталец и пастух,—
Убог умом, богат словами,
Кумир красавиц, враг старух...

Теперь иду, – здесь недалеко
Примолк над бурною рекой
Аул... На праздниках пророка
Хочу забавить там игрой
Найба... Чай, давно пеняет
Старик... Не так ли?..—
Все молчат.
Кого в Наибе он теряет?
О чем те струны прозвучат,
Которые так запоздали
Узнать о смерти старика?
Зачем же слезы засверкали
В очах скитальца-кунака?
Ужели, – гость спросил тревожно,—
Вопрос невинный вас смутил?
Зачем молчите? Все возможно,—
Наиб был стар... и слаб, и хил...
Быть может, он...
Мой друг случайный,—
Заговорил черкес седой,—
Ты облечен какой-то тайной...
Клянусь вот этой бородой,
Ты не певец родного края,
А то бы песнь твоя, рыдая,
Печальной повестью давно
Ласкала б слух... Но все равно,

Быть может, шел ты издалека
К Наibu передать привет
От Джамбулата, то жестоко
Промедлил... Старика уж нет...—
Глухим, подавленным рыданьем
Дополнил речь его кунак...
Чем объяснить, ответить как
Его слезам, его страданьям? —
Решал в раздумии глубоком
Черкес...
Аллахом и пророком
Тебя мы заклинаем, брат,—
Признайся, ты...
Я Джамбулат...

III

У крайней сакли, под навесом,
Играет с маленьким черкесом —
Сынишкой – молодая мать.
Она старается поймать,
А он, бутузик, убегает...
Хохочет... Вот упал... кряхтит...
Она проворно подымает
Его, целует... он визжит,
Барахтаясь в ее объятьях...
Блажен, кто матери в занятиях
Служить помехой в детстве мог!
Но... что за робость? Через порог
Калитки Джамбулат не смеет
Переступить в счастливый двор...
Как ночью малодушный вор,
В виду своей добычи, млеет,
Томится и дрожит в засаде...
Вперед – нет мужества шагнуть,
Назад – позорным мнится путь, —
Куда же?.. Джамбулат в досаде
Сжал челюсти... «Ужель с щенком
Холопа ей не надоело
Дурить?» — и мощным кулаком

В калитку постучал он смело...
Внезапный стук смутил на время
Ребенка... Молодая мать
Пошла к калитке... «Гость – не бремя»,—
Адату этому послушна,
Она привыкла принимать
Его во всякий час радушно.
Дверь растворяется проворно,
И пред хозяйкою, задорно
Облокотясь на посох свой,
В широкой шляпе и с сумой
Предстал знакомый нам кунак.
Взгляд гостя, как огонь, пытливый
Смутил хозяйку... Словно мак,
Зарделись щеки... Взор стыдливо
Погас в ресницах... на устах
Улыбка замерла красиво...
Работа путалась в руках...
Огнем неизъяснимой тайны,
Волнуясь, трепетала грудь...
Но не надолго...
Гость случайный,—
Она промолвила, – твой путь
Тяжел, далек, сомненья нет...
Но всем, кто ни проходит мимо
Убогой сакли, я привет

Передаю от Ибрагима,—
Не откажи его принять...—
Она, казалось, овладела
Собою, но очей поднять
На «пастуха» еще не смела...
Момент... другой, – и взгляд пришельца
Ей разум объяснил не так,
Как смутно объясняло сердце,—
И вновь пред ней стоял кунак,
Пастух усталый и голодный...
Его костюм простой, свободный,
Его осанка, смелый взгляд,
Улыбка – ясно говорят,
Что он из гор...
Благодарю
Сердцами правящего бога!
Твое приветствие у порога
Я, как святыню, схороню
В душе моей... Благодарю!
Красавиц видел я немало,
Но грудь мою ты взволновала
Иным восторгом, – я горю
Любовью брата... Никогда
Твой голос нежный не забуду;
В минуты счастья и труда
Я за тебя молиться буду

Всегда, везде... Я прост, ты видишь,—
Пастух не может быть иным...
Я знаю, скоро ты забудешь
Мои слова; как снег, как дым,
Как клятвы юности незрелой,
Они исчезнут без следа
Из памяти... что за беда!
Прости, пастух я очень смелый,—
Таким красавицам, как ты,
Смешны восторги и признанья,
Забавны пылкие мечты
И скучны при луне свиданья,—
Вот ваш обычный недостаток!
Прости, что гость твой больно падок
На откровенность... Не всегда
Таков я... Праздная болтливость
К ночлегу не сберет стада,—
А здесь... где женская стыдливость
Не терпит юности затей,
Дичится радостей свободы,
Где слово мужа, визг детей —
Источник счастья и невзгоды,
Где ложны клятвы и обет,
Здесь промолчать... уменя нет!..
Ты видишь, гость твой не скучает...
А если подадут пирог,

Волчком заходит турий рог,—
Забавен пастушок бывает...
Кунак веселый ест немного
И напивается водой;
Он никогда не судит строго
Прием хозяйки молодой,
А потому могу я смело
Просить в кунацкую его,—
Не прогневись.

Вот это дело!

Я ждал лишь слова твоего,—
Ведь басней соловья с тобою
Нам не насытить, — но теперь
Благославляю всей душою
И твой привет, и эту дверь...
Я мужа твоего знавал...

Мы часто в альчики играли...
Он лучше всех нас воровал,
Но мы его за трусость звали
Тихоней... О тебе, скажу,
Я знаю только понаслышке...
И мальчик ваш?

Да.

О сынишке
Не знал... и больно накажу
Его, разбойника, за это...—

Какая странная примета,
Читатель, узнавать людей:
Мы вызываем у детей
Испуг и слезы поцелуем,
Когда неискренно целуем,
Когда не любим их... Поверь,
И Джамбулат хотел теперь
Притворно приласкать ребенка,
Но он не дался, – мальчик звонко
Заплакал и – скорей, скорей —
В объятия матери своей!
Табу всеправедному богу!
Табу хозяевам! Пора!..
Но гостя выпить на дорогу
Хозяйка просит из «тура».
Я опьянею...
Добрый путь!..
Ты пьешь здоровье Ибрагима...
А чтоб вас вместе помянуть,
Скажи мне имя...
Я – Фатима...
Одну Фатиму знал и я.
С тех пор красавицу такую
Я не встречал... Как дочь родную,
Как равнокровное дитя,
Князей почтенная семья

Ее взрастила на свободе...
Одна другой звучней, милей,
Как о волшебнице, о ней
Слагались повести в народе...
Смотринам не было конца...
Но стать женой... нет, невозможно! —
Старик ей заменял отца,
А юный князь... О, как безбожно,
Как непомерно наказанье!..
За Сунжей вспыхнуло восстанье...
И князь исчез в бою одном
Бесследно... Но беда не в том,—
Пусть он убит, казнен на плахе,
Все ж лучше, чем...
Жених был жив?! —
Хозяйка перебила в страхе.
Казалось, нет. Так порешив,
И старый князь стал падать духом,
Вторым ударом он убит:
Красотка, доверяя слухам,
Позорит клятвы, не щадит
Родных адатов и тайком
Выходит за раба...
Довольно!
О ней доскажешь мне потом..
Ты мне о князе молодом

Не все сказал...—

Длинна уж больно

И не занятна речь о том,

Как он в плену, в цепях железных,

В темницах, в подземельях тесных

Грустил и думал лишь о ней,

Лишь о красавице своей...

Как, наконец опять свободный,

Он к ней пришел больной, голодный

И встретил безучастный взгляд...

Но – имя князя?

Джамбулат...

Пастух! прости... я вся сгораю...

Я не могу владеть собой,

Все это – сказка... да? Я знаю,

Что князь убит...

Он пред тобой!..

IV

Объята сакля тишиною...
Лучины тусклый полусвет
Бессильно вздорит с темнотою...
Уж полночь... Ибрагима нет...
Ребенок спит спокойно, мило...
Самой Фатиме не до сна,—
Всю ночь прождать она решила,
И ждет... задумчива, грустна...
Вдруг легкий стук... Она вздрогнула...
Шаги все ближе... Нет, не сон!
Приехал, думает... взглянула
И изумилась... Что ж!.. не он...
Не муж... Пред нею очутился,
Как призрак ночи, Джамбулат...
Ах!.. Это ты?
Да... Заблудился...
Застигла буря... ночь, как ад —
Ни зги не видно... Нет дорог,—
Размыто все... Мосты сломало...
Признаться, досталось немало,—
Едва, едва добратся мог...
Но все прошло, и — слава богу! —
Сбирайся, — дорог каждый час...

Нас кони ждут... Абы в дорогу,
А там пусть нагоняют нас...
Что ты сказал?..
Ничтожным страхом
Не оскверняй начатый бой
С холопами...
Клянусь аллахом,
Обиды никогда такой
Я не ждала от Джамбулата...
Не любишь ты!..
Люблю, как брата,
Мне небом посланного вновь...
Не больше?
Это ль не любовь!
Фатима!.. Полно! Где же слово,
Где клятвы наши и обет?..
Теперь не воскресишь былого,
Не требуй, не ищи, – их нет...
Изменница!..
Ждала я долго...
Суди, легко ли ждать, когда
Кругом все осуждают строго
Мой возраст, девичьи года?
Просить руки моей, как счастья,
Шли и уздени и князя
И, не найдя во мне участия,

Чернили клеветой меня...
Боролась я четыре года...
Мне не легка была свобода
Такого выбора, поверь,
Но все ж я счастлива теперь...
Я не ропщу... Нарушив клятвы,
Дала я верности обет...
Кормлюсь плодом нелегкой жатвы,—
Где труд, там преступленья нет.
Благословлять мой выбор скромный
Обязан был бы ты, как брат,
А ты вступаешь с ночью темной
В союз... Опомнись, Джамбулат!
Перенесла я слишком много,
Чтоб так бездушно разрушать
Мою святыню... Бойся бога,—
Теперь я замужем, я мать.
Жена продажного холопа
И мать щенка...
Не оскорбляй!..
Позорна, князь, такая злоба...
Прости... Но после не пеняй!

* *

Объята сакля тишиною...

Лучины тусклый полусвет
Бессильно вздорит с темнотою,
А Ибрагима нет и нет...
В углу, на тахте, безмятежно
Вкушает сладкий, мирный сон
Ребенок... Мать склонилась нежно
Над ним и плачет... Из окон
Уж брезжит голубой рассвет...
Лучина слабо догорает,—
То вспыхнет, то совсем стухает...
А Ибрагима – нет как нет...
Пахнуло утром... тень редееет...
Чуть-чуть румянится восток...
Щебечет ласточка... бледнеет
Звезда. Рокочет чуть поток...
Скрипит арба... но... мимо... мимо!..
И снова в сакле тишина.
Фатима... бедная Фатима
Все ждет и ждет... ни грез, ни сна!
Дрожит как лист... И кто узнает,
Какая цепь забот и дум
Гнетет, щемит и надрывает
Усталый, изнуренный ум!
С какой тоской, с какой любовью
Она склонилась к изголовью
Ребенка... Что сказать ему

Она хотела?.. Но к чему?!
Малютка спит... Святые грезы
Его не в силах разогнать
Ни тихий плач, ни эти слезы,
Какими обжигает мать
Его чело, его ланиты...
Спи, милый! Дорог этот сон,—
Нет в мире радостней защиты...
Придет пора, – ослабнет он,
Иссякнет, и, когда проснешься,
Поймешь, почувствуешь, дитя,
В каком отчаянье тебя
Лобзала мать, и ужаснешься...
А до тех пор ничто земное
Да не нарушит светлых грез! —
Весь мир, вся жизнь не стоит слез,
Не стоит твоего покоя! —
Но... дверь, как будто бы рукой
Волшебной, растворилась снова,
И в сень, глядевшую сурово,
Окутанную полумглой,
Черкес вступает молодой...
Его не видят... Осторожно
Снимает бурку он с себя...
Так изнурять себя безбожно,
Фатима!..

Ты?! Ждала тебя...

Я мог приехать раньше, позже,—

Ужель должна сидеть всю ночь?

Ведь этим путнику помочь

Ты не могла...

Вернулся... боже!..

Фатима! Плачешь?.. Что случилось?

Ребенок болен? Говори...

Нет... Он здоров... как сердце билось...

Не дожидая зари,—

Все бредила сырой могилой...

Теперь прошло... ты здесь, мой милый,

И я спокойна... Ты устал?

Промок под ливнем... голодал...

Но ничего... я накормлю

Тебя превкусным пирогом.

А я трусиху удивлю

За это шелковым платком...

Ах, Ибрагим, зачем напрасно

Всегда расходуешь свой труд...

Нет, ты надень... Вот так... прекрасно,—

Таких не видывали тут...

Ты плохо ел...

Я сыт... довольно...

Вот только новостями больно

Скупишься ты...

Вернулся брат...

Какой?

Не помнишь... Джамбулат...

V

Проснулся царственный Казбек,
Восход приветствуя румяный.
Долины быстротечных рек
Покров свой сбросили туманный...
Лениво выползают горы
Из облаков... Проснулся лес,
И птиц восторженные хоры
Благословляют ширь небес.
Проснулись мирные черкесы...
В ущелье тесном, где аул
Венчает грозные отвесы,
Клубится пыль и слышен гул
Лихой забавы скакунов...
Бегут стада... и над скалою
Ползет прозрачной синевою
Дым хлопотливых очагов...
Проснулось все... Прошла дремота,
Рассеян мрак... повсюду свет...
Ликует мир... кипит работа,
И все живое свой привет
Шлет солнцу...
За Шайтан-горою,
В кустах, меж грудями камней,

Поросших мохом и травой,
Ползет тропинка, словно змей...
За дичью раненой, шальной,
В трущобах горных запоздалый
Охотник иногда домой
По ней спускается усталый;
С сумой, ремнем и топором,
Тяжелой удрученный думой,
По ней взбирается с трудом
К опушке дровосек угрюмый;
На посох длинный опираясь,
Порой пастух по ней несет
С коша в аул душистый мед
И сочный сыр... Теперь, цепляясь
За камни, плющ, кусты и мох,
То, как ребенок чрез порог,
Переступая чрез преграды,
По ней взбирался Джамбулат.
Куда? Зачем? Какой награды
Он ищет здесь?... Тревожный взгляд,
Как зверь затравленный, блуждает,
Не отдыхая ни на чем...
Горячий пот с чела стекает...
Расстегнут ворот, за плечом —
Вся слава дедовских побед —
Ружье с насечкой золотою...

За пояс воткнут пистолет;
Кинжал оправой дорогою
Играет с солнечным лучом...
Башлык болтается небрежно...
Тревога тайная во всем!
А мир!.. Баюкая так нежно,
Чаруя дивной красотой,
Манит, ласкает до забвенья,
До слез, до сладкого томленья...
Простор... приволье... тишь... покой!..
Чуть слышен неустанный гул
Во мгле зарытого каскада...
Игрушкой кажется аул...
Как муравьи, расползлось стадо
По яркой зелени. Пастух
За ним бредет неторопливо...
Вот он запел... Ему игриво
Повсюду вторит горный дух:
Аллах всемогущий,
Аллах вездесущий,
Велик ты в творенье твоём!
Полны чудесами
Земля с небесами,—
Премудрость твою мы поем...
И степи, и горы,
И реки, и доли,

Озера, моря и леса,
От края до края
Тебя прославляя,
В гимн стройный слили голоса.
Но вот тропинка обогнула,
Как ад, зияющий овраг,
Змеей по скату промелькнула
И затерялась в кустах...
Но вот опять в траве зеленой
Лоснится ленточкой. Пред ней
Волной прозрачной и студеной
Журчит и искрится ручей...
Она слегка к волнам склонилась,
Чуть-чуть их влагой оросилась,
И, сделав с камешка прыжок,
Перескочила на песок...
Взглянула весело назад
И побежала шаловливо
На луг... в кусты... к камням... на скат...
И под утесом, горделиво
Главой подпершим свод небес,
Мелькнув еще раз бледно, бледно,
Ушла совсем, ушла бесследно
В дремучий, вековечный лес...

VI

Как здесь легко, как здесь привольно!..
Как хочется прилечь, уснуть...
Как робость тайная неволью
Теснит, волнует сладко грудь!..
Мир сказок, мир теней, прохлады,
Волшебных грез... Везде кругом,
Густым увенчаны шатром,
Стоят столетние громады...
Вот липа... К ней склонился клен
И шепчет что-то... К груди белой
Чинары тянется несмелой
Рукой орешник... Он влюблен
В нее давно, но... что за пара!
Она, красавица чинара,
Царица леса, он пред ней —
Смешной, уродливый пигмей!
Вот старый дуб... Идет рассказ
О нем, излюбленный народом,
Большой таинственный... Под сводом
Его могучим свой намаз
Творят охотники – обычай
Бессменный исстари для всех;
Сюда же вечером с добычей

Они приходят на ночлег...
Лишь ночь – и ярко запылает
Костер... Полюются песни, спор...
И долго, долго им внимает
В полудремоте черный бор...
Но не охотникам одним
Так дорог этот дуб заветный:
В минуты отдыха под ним
И дровосек мечтает бедный
Скорей укрыться от забот...
Вот и теперь из чащи леса
К нему выходят два черкеса,
Вступают под широкий свод
Гиганта, и к его стопам
Бросают топоры небрежно...
Нет, видно, не угнаться нам
За ним, – он дьявольски прилежно
Работать стал...
Разгадка в чем? —
Была б моей женой Фатима,
Тогда б под княжеским бичом
И я не меньше Ибрагима
Кичился рабским трудолюбьем...
Не будь ее, и он бы людям
Служил за выючного осла,
Как я... Она его спасла

От нищеты и рабской лени,—
Жена его всему виной...
Лишь с нею он рука с рукой
Взобратся мог на те ступени,
Что незаслуженно сейчас
С холопом разделяют нас...
Стыдись, товарищ! Ты до брани
Несправедлив... Из нищеты
Могли бы выйти, при желанье,
Как Ибрагим, и я и ты;
Но выбор сердца молодого
Княжны сказался лишь на нем
Не потому ли, что во всем
Ущелье не было другого,
Кто мог бы поравняться с ним
Неутомимостью в работе?
Как я, как ты, и Ибрагим
Родился в яслях... но к свободе
Никто из нас его любовью
В своей неволе не пылал...
Трудом, облитым потом, кровью,
Он раньше всех свободным стал...
И что ж? Награда по заслугам:
Фатима, вопреки людской
Молве, решила быть женой
Его и неизменным другом —

И не ошиблась... До сих пор
Ничто их счастье не туманит;
Приветливо зовет и манит
Прохожего усталый взор
Их сакля прихотью воздушной.
Всегда готов прием радушный;
Всегда есть пенящийся рог
Густого пива и пирог.
Жизнь наша изменилась много:
Кто недоволен, а кто рад,—
Судить грешно, – ведь все от бога...
Но вот хотя бы Джамбулат...
Потомок княжеского рода...
Джигит, каких я не встречал,
Был славой, гордостью народа...
Попал к гяурам в плен... бежал...
Вернулся к нам – и наш он снова...
Но что застал он из бывшего?
Полуразрушенный аул
И башню без ребра и скул!..
С Наибом умерла и слава
Винтовок, шашек, скакунов...
Меж тем для княжеских сынков
Не по руке еще забава:
Соха, топор и наш ремень...
Холопов нет, трудиться лень,

А голод, говорят, не тетка,—
И вот, как старая подметка,
Вздымая пыль, сгущая грязь,
В народе топчется и князь,
Отцов наследье проживая...
И жалок он, да и смешон...
Равняться с нами не желая —
Ты посмотри, – чем занят он?
С винтовкой, на коне, весь год
Скитаясь по аулам дальним,
Воспоминанием печальным
Везде смущает лишь народ...
Везде, едва-едва терпим,
Подарки вымогает силой...
Таков и Джамбулат наш милый...
Боюсь, что бедный Ибрагим
С женой намыкаются с ним...
Боюсь, что очень, очень скоро
У них он будет на хлебах,
И предки князя от позора
Начнут ворочаться в гробах...
Но... посмотри... ужель под вечер
Меня обманывает глаз?
Там кто-то был... заметил нас
И скрылся...
Нет... должно быть, ветер,

Играя стройною чинарой,
Встревожил трепетную тень...
Но полно... Подымайся, старый!
Пора и нам рассеять лень
И косточки промять от скуки...

* *

Бор... темный бор... глубокий бор...
Бешмет промок... немеют руки...
Все глуше падает топор,
И все большее грудь вздымает
Тяжелый вздох... И кто узнает,
Как много сил и много дней
Здесь отнято у Ибрагима!
Но все же многих он бедней
В ауле... Что ж? Неумолимо
Его преследовал всегда
Жестокий рок. Ребенком глупым
Служил он, круглый сирота,
Забавой детям сытым, грубым...
Полунагой, полуголодный
Ходил за стадом... Жил и рос
В конюшне темной и холодной,
Доил коров, сгребал навоз...
За промах всякий, всякий вздор

Его ругали, били, драли...
А уходил на волю, – дали
Ему веревку и топор.
И как работал, как он бился!
Не знал покоя день и ночь...
Построил саклю и влюбился
На горе в княжескую дочь...
В борьбе с безумною мечтою
Жизнь стала пыткой... Видит бог,
Хотел покончить он с собою,
Но сердце побороть не мог.
Ползли без ласки и участия
За днями дни... Куда? Зачем?
Как вдруг, на удивленье всем,
Сама княжна, – какое счастье! —
Сама красавица княжна
Спасла его от этой муки:
Холопу первая она
С любовью протянула руки...
И он воспрянул... Снова грудь
Полна надежд... Свободен путь...
Силен, здоров, и, слава богу, —
Зачахнет бедность понемногу, —
Пусть только спорится работа!..
Сегодня дикая природа
Внимает с самого утра

Глухим ударам топора...
Здесь места нет тщедушной лени...
Но полно! Золотой каймой
Охвачен лес, густеют тени,—
Пора!.. Он грязною полою
Провел по смуглому лицу
И усмехнулся... «Ну, не даром,—
Пробормотал он, — знать, купцу
Я угожу своим товаром.
Однако надо торопиться...»
Он взял топор и зашагал
Между деревьев... Вот струится
Родник знакомый. Он припал
Устами жадными к воде...
Напился... Широко вздыхает...
На мягкой, темной бороде
Струя жемчужная играет...
Он снял ее и поднял взоры
К просвету... Снеговые горы
Прощались с солнцем, — близок час
Вечерний совершить намаз...
Он сел... разулся... снял бешмет
И начал мыться... «Помни бога
Всегда, везде...» — и как он строго
Хранит излюбленный завет
Своей Фатимы дорогой!..

Бог милостив... в его лишь власти
И наша жизнь, и наше счастье».
Бедняжка, как она порой,
Его в дорогу провожая,
Чуть не в слезах, чуть не рыдая,
Советует беречь себя...
Работать меньше?.. Чтоб другая
Была наряднее тебя...
Нет, нет!.. Еще не раз просила...»
И что-то чуть слегка сказило
Его лицо... но на устах
Тотчас улыбка зазмеилась,—
Он рассмеялся... Чу! в кустах
Вдруг что-то шелкнуло, сломилось...
Должно быть, заяц... Ах, косою!
Отделался одним испугом,—
Ружья нет, жаль, а то с тобой
Была б расправа по заслугам».
Но все уж стихло... Он нагнулся
Опять к воде и улыбнулся...
Должно быть, жутко ей одной,—
Боится темноты ночной...
Какой-то непонятный страх...»
И он слегка наморщил брови...
С тех пор, как Джамбулат в горах...
Ужель она боится крови?...»

Но снова шелест под кустом!..
Раздался выстрел... Он, как гром,
По всем ущельям прокатился,
Гудел, трещал, шипел, дробился
И долго, долго не смолкал
В далеких отголосках скал...

* * *

Быть может, голубок влюбленный
К своей подруженьке летел»,—
Заслышав выстрел отдаленный,
Пастух заметил вдохновенный,
Вздыхнул глубоко и запел:
В гнезде молодая
Голубка тоскует,—
Дружка поджидая,
Все стонет, воркует...
Лети, голубочек,
Лети, дорогой!
Твой милый дружочек
Грустит день-деньской...
Увы, он молениям
Ее не внимает.
Что скорбь и томленье,
Коль сам не страдает!

Не жди, дорогая! —
Сраженный стрелой,
Твой друг, умирая,
Простился с тобой...

VII

Вершины гор в лучах заката
Огнем пылают золотым...
Ползет в аул лениво стадо...
Из очагов клубится дым...
Одела тень холмы, долины...
К реке спускаются толпой
Черкешенки... Давно водой
Налиты звонкие кувшины,
Но нет конца игре веселой,
Девичьим песням и речам,—
И пусть! В неволе их тяжелой
Пусть хоть безумолчным волнам
Поведают мечты и горе...
Слеза смешается с волной
И быстро унесется в море...
А песнь над бурною рекой
Бессильно глохнет, все равно!..
Проехал кто-то... Помешали...
Ну что ж... пора, пора давно! —
Сегодня слишком запоздали...
А что ж Фатима? Что ж она
На берегу сидит одна?
Ведь все ушли... На цепи снежной

Погас давно румянец нежный...
Прохладой веет с синих гор...
Рыдает, стонет бесприютно
Седой поток... Темно... безлюдно...
Меж тем Фатима до сих пор
Сидит, – считает будто волны,—
С потока не отводит глаз...
Но их не счесть, в вечерний час
Они мучительно проворны...
Ужель поет?.. Чуть реют звуки,
Чуть льется песнь, но сколько грез,
Но сколько в ней душевной муки,
Любви и затаенных слез!
Догорела заря,
Засыпает земля,
И ночные парят уже грезы...
Грудь изныла, любя...
Жду, мой милый, тебя,—
Поспешి осушить мои слезы.
Вновь к тебе, милый мой,
Я склонюсь головой,
И спою тебе песню былую...
Расскажу тебе вновь
Про тоску и любовь,
Обойму горячо, расцелую...
В порывах волн, лаская слух,

Последний звук еще летает
В прозрачном воздухе, как вдруг
В глазах Фатимы вырастает,
Как тень, с улыбкой неприветной,
С тревожным взором, наш герой...
Предчувствия хлынули рекой,
Вскружили ум красотки бедной,
До боли прищемили грудь—
Момент, другой, — она очнулась
И, как безумная, метнулась
К тропинке, но он занял путь...
Пусти!..—
Он злобно усмехнулся...
Чего ты хочешь?
Ты моя...
Несчастный! поздно ты вернулся,—
Фатима умерла твоя...
Зачем тебе мое паденье?
Ужели не довольно слез,
Тоски, унынья, озлобленья,
Разбитых юношеских грез?
За что ты так неумолимо
Тревожишь сон души больной?
Пойми, я все для Ибрагима —
И честь, и счастье, и покой.
Их нет теперь, как нет проклятья,

Каким клеймила их любовь...—
И он раскрыл свои объятия...
Фатима вздрогнула... Вся кровь
Из сердца хлынула к мозгам...
Уймись, глупец! Я не отдам
Честь матери на поруганье...
Коль нет ни капли состраданья
В тебе, то...—
Сделав шаг назад,
Она порывисто пригнулась,
Схватила камень, размахнулась...
Убей!.. – промолвил Джамбулат.—
Убей, но выслушай, молю,
Ты прежде исповедь мою...
Не смерть страшна, – меня пугает
Твое презренье... Бог лишь знает,
Как все во мне полно тобой,
Как я люблю тебя, Фатима...
Не будь тебя, тебя одной —
И жизнь была б невыносима,
Грязна, позорна, как тюрьма.
Фатима... вспомни ты сама
Часы томительной разлуки!
Я перенес все эти муки...
В цепях железных, под кнутом...
И все, ж, чтоб стать твоим рабом,

Преодолею я все преграды...
А ты!.. Ужель другой награды
Не заслужил я?.. Что ж... убей!
Вся жизнь моя была твоей...
А помнишь ли, когда, бывало,
Всходил лишь месяц золотой,
Лишь вся природа засыпала
Под кровом ночи голубой,—
Спешила ты в мои объятия...
Молчи, молчи!.. всему проклятье!
Не нам указывать судьбе...
Нет, нет, Фатима... Нет, в тебе
Исчезнуть не могли бесследно
Восторги райских тех ночей!..—
Лицо Фатимы было бледно;
Из бархатных больших очей
Катились слезы по щекам...
Она молчала...
Боже правый!
Ужель всю жизнь пустой забавой
Придется оставаться нам
В руках судьбы? Ужель решилась
Расстаться навсегда со мной?..
Да, да... Прощай!..
Так нет же, стой!
Ты права этого лишилась,

Голубка, – ты моя теперь...
Безумец! прочь!.. Нечистой кровью
За все ответишь мне, поверь...
Я заплачу за все любовью...
Клянусь Кораном, Ибрагим
Отмстить сумеет...
Сомневаюсь,—
Он перестал уж быть твоим...
Что ты сказал?!
Изволь, покаюсь,
Невелика, несложна тайна.
Чем обладал он лишь случайно,
То слишком пламенно любил
Твой Джамбулат... и он убил...—
Договорил ли он иль нет?
Но голос дрогнул замогильный,
И взор потупился... В ответ
Ему послышался бессильный,
Едва-едва приметный стон...
Фатима!.. – простонал и он...
Она, как ландыш, похилилась..
Но он успел, – она свалилась
К нему на грудь...
Над спящим миром
Плыл тихо месяц золотой,
С ущелья веяло эфиром...

В постели каменной, крутой,
То злобно в пену разбиваясь
О груды неприветных скал,
То вновь в каскады собираясь,
Неугомонно бушевал
Поток... Над ним, в объятьях брата,
Как труп безжизненный, лежит
Фатима... Сердце Джамбулата
Тоской беспомощной щемит...
О чем жалеть?.. На что пенять?..
Но вдруг... да, да! жива опять!
Открыла очи... Как спокойно,
Как медленно блуждает взгляд
В лазури неба, где так стройно
Светила вечные парят...
Где я? – промолвила тревожно
Фатима, проводя рукой
По лбу, и встала... – Невозможно!
Спала на круче, над рекой!..
И как я только не свалилась!..
Где ж мой кувшин?.. Его здесь нет...
Ты не видала? – Обратилась
Она с вопросом... Лунный свет
Ей разъяснил ее ошибку,—
Бедняжка думала улыбку
Подруги встретить, а пред ней

Мужчина, незнакомый ей...
Она внимательно взглянула
Ему в лицо...
Ты кто такой?
Зачем ты здесь?
Пойдем домой...—
В ответ ему она зевнула...
Как холодно... Опять подуло
Могильной сыростью из гор.
Поток все плачет... До сих пор
Не может пересилить горя,
Не может слез своих унять...
Его там успокоит море,
А здесь... здесь некому понять
Чужой тоски... И я точь-в-точь
Рыдала так над Джамбулатом...
Нет, я боюсь...
Мой друг, ты с братом,
Не бойся...
Ах!.. убийца... прочь!..—
Как зверь, ужаленный стрелой,
Она рванулась... побежала...
И где-то в темноте ночной
Еще раз дико простонала:

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не гневись же, читатель, что я утомил
Своим скучным рассказом вниманье...
Но, поверь, мне Кавказ так несказанно мил,
Что ищу до сих пор с ним свиданья.
Был недавно... Проездом опять заглянул
В те места, где блуждал я когда-то...
Не узнали меня... Изменился аул,—
Вместо сакли – турлучная хата...
И обои и печи... Висят зеркала
Вместо шашки, ружья, пистолета...
Неизменно одна над аулом скала
Диким мохом, как прежде, одета...
Так же гордо молчит, тот же пасмурный взгляд
На аул, на мосты, на дорогу...
Изменяется все – и язык и наряд...
Деньги наши в ходу, слава богу!..
Есть и школы... Я видел – из хаты одной
Вышел с книжкой, босой и без шапки,
Мальчуган... и еще... тот в рубахе цветной,—
И посыпались чуть не десятки...
В это время какая-то женщина тут
Проходила в лохмотьях, босая...
Мальчуганы за ней! – с дружным смехом бегут,
В нее грязью, камнями бросая...
На все выходки их она только порой

Отвечала забавною бранью:
Погоди, шалунишка, придешь ты домой,—
Я тебя без отца затираню...
Кто такая? – невольно вопрос я задал.—
Отчего она так нелюдима?
Сам недавно я здесь, – мне духанщик сказал,—
Сумасшедшая, видишь... Фатима...
Был сынок у ней... Веришь, – учитель разжал
С горла мальчика грешные руки...
Ну, спасибо, весной инженер приезжал
И увез, говорят, для науки...
Так осталась одна... и, как видишь, весь день
Себе места нигде не находит...
По ночам над рекою блуждает как тень
И безумную песнь свою водит:
Догорела заря,
Засыпает земля,
И ночные парят уже грезы...
Грудь изныла, любя...
Жду, мой милый, тебя,—
Поспеши осушить мои слезы!..

1889–1895